

© 1995 г. А.Д. ДУЛИЧЕНКО

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСКУССТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ:
ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ И ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ**

Сознание единства человеческого рода порождало и поддерживало постоянную тоску по единству языковому. Тоска эта сохраняется до нашего времени, а общий язык и сейчас остается всего лишь мечтой. На пороге третьего тысячелетия он мыслится как весьма далекая перспектива языкового развития человечества. Его контуры трудно набросать даже в самом приблизительном виде. Потому продуктивнее оказывается анализ ситуации с общим языком эпох, прожитых человечеством.

Если обратиться к этно-территориальному аспекту языков, то все языковое многообразие человечества можно разделить на две неодинаковые по составу группы: с одной стороны, большинство языков мира этнически и территориально связаны и не используются за пределами соответствующих рамок; с другой стороны, имеются языки, "переступившие" свой этнический и территориальный "порог": таких языков немного. Другими словами, в реальной языковой жизни давно наметилась и утверждается оппозиция "этнически (и территориально) замкнутые языки – трансэтнические (транстерриториальные) языки". В понятие "трансэтнические языки" (ТЭЯи) нами вкладывается достаточно широкий смысл: таковыми могут считаться языки, которыми пользуются, кроме народа-создателя, также другой народ или другие народы наряду с собственными языками. Функциональное распределение ТЭЯов имеет также широкий диапазон: от использования таких языков в качестве вспомогательного средства в отдельных сферах жизни до массового билингвизма. По существу одним из важнейших для ТЭЯа является признак "общий", т.е. общий как минимум для двух и более народов. При этом понятие "общий" следует понимать не в абсолютном смысле: общий язык – не замена родного, а лишь вызванное практическими потребностями жизни средство специфического употребления в определенных сферах и обязательно наряду с родным языком, т.е. речь идет о функциональной незагруженности или неполной функциональной загруженности (в сравнении с родным языком) как постоянном и существенном признаке общего языка.

Категория ТЭЯов сформировалась давно: роль общих выполняли уже в античное время ряд языков могущественных племен и государств: для Средневековья и Нового времени ярким примером является латынь. Позднее в эту категорию включаются ряд этнических языков, причем этот процесс прогрессирует, и наше время тому свидетель. По своему предназначению трансэтническими являются и рационально созданные языки для общения между разноязычными народами. Особенность этих последних заключается в том, что большинство из них так и остались в проекте, не достигли функциональности, не обрели нужных для функционирования социолингвистических качеств. Выход из лингвопроективной стадии обнаружился лишь в 70–80-е гг. XIX в. и связан, как известно, с волапюком и эсперанто. В категорию ТЭЯов входит и воображаемый всеобщий язык как язык будущего. В соответствии со сказанным схема форм реального и возможного существования ТЭЯов, или общих языков (ОЯов), пред-

ставляется в следующем виде:

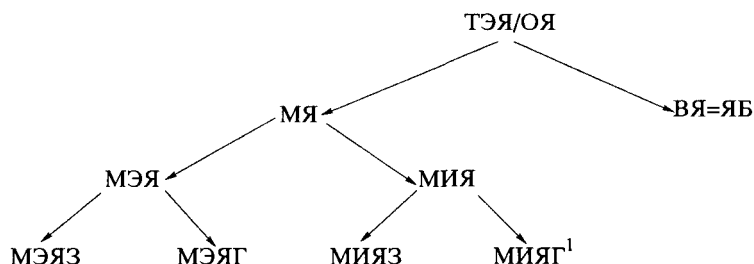
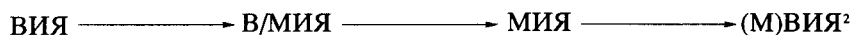

Схема наглядно демонстрирует единство интересов лингвистики и интерлингвистики, когда речь идет о формах существования ТЭЯов: МЭЯ как традиционный объект лингвистики и, в частности, социолингвистики и МИЯ как изобретение интерлингвистики – это всего лишь компоненты развертывания более общей категории МЯов и далее – ТЭЯов. Если лингвистику традиционно в ТЭЯх интересуют лишь языки этнического происхождения, то современная интерлингвистика занимается и МИЯами, и МЭЯами. В части МЭЯов, как видно, происходит наложение интересов лингвистики и интерлингвистики.

МИЯи возникают как попытка предложить этнически нейтральное средство общения и притом такое средство, которое мыслится стройным и легко доступным для усвоения. Еще в начале века (1908) И.А. Бодуэн де Куртенэ писал об этом так: "Эта идея (международного искусственного языка. – А.Д.) слишком могущественна и слишком жизнеобильна, а ее существование и продолжение не зависит вовсе от временных неудач. Итак, мы присутствуем при постоянных попытках ее воплощения и осуществления" [Бодуэн де Куртенэ 1908].

В истории интерлингвистики категория МИЯов прошла длительный путь трансформаций, что целесообразно представить в виде следующей схемы переходов:

В плане функционального предназначения ВИЯ мыслился не только для всех (людей Земли), но и для всех сфер жизни, В/МИЯ – для всего мира или для распространения по всему миру (в мире), МИЯ – для общения между группами народов, (М)ВИЯ – играет дополнительную роль в международной коммуникации. В хронологическом аспекте ВИЯи и В/МИЯи принадлежат ранним этапам развития интерлингвистики, они, как правило, имеют непопулярную в современной интерлингвистике априорную структуру, в наше время ощущается их несколько архаизированный характер; категориям МИЯов и (М)ВИЯов по существу только один век, именно эти категории воспринимаются в интерлингвистике как актуальные. Об этом необходимо напомнить снова, поскольку в "чистой лингвистике" продолжают игнорировать эти различия, из-за чего любые эксперименты по созданию МИЯов/(М)ВИЯов и попытки их пропаганды объявляются как притязание на единственность решения проблемы международного средства общения [Григорьев 1966; 1976 : 35–54]. Весомым доказательством обратного может служить изучение исторического развития интерлингвистического лингвоконструирования и лингвопроектирования. Общую картину такого развития дает предлагаемая ниже таблица "Интерлингвистическая статистика

¹ МЯ – международный язык, МЭЯ – международный этнический язык, МИЯ – международный искусственный язык, МЭЯЗ – международный этнический язык зонального распространения, МЭЯГ – международный этнический язык глобального распространения, МИЯЗ – международный искусственный язык зонального распространения, МИЯГ – международный искусственный язык глобального распространения, ВЯ=ЯБ – всеобщий язык = язык будущего.

² ВИЯ – проекты всеобщего искусственного языка, В/МИЯ – всемирный/мировой искусственный язык, МИЯ – международный искусственный язык, (М)ВИЯ – (международный) вспомогательный искусственный язык.

с древности до современности", составленная на основе данных нашей книги [Дуличенко 1990]. Эта схема содержит 917 лингвопроектов, созданных со II в.н.э. до XX в. (до 1973 г.) в 40 странах мира [Дуличенко 1990 : 13 и сл.]:

II в.	: 1	
VII–VIII вв.	: 1	
XII в.	: 1	
XIII в.	: 1	
век неизвестен	: 8	
XVI в.	: 8	1501–1525 : – 1526–1550 : 2 1551–1575 : 1 1576–1600 : – год неизвестен : 5
XVII в. : 41		1601–1625 : 2 1626–1650 : 6 1651–1675 : 20 1676–1700 : 7 год неизвестен : 6
XVIII в. : 50		1701–1725 : 4 1726–1750 : 3 1751–1775 : 18 1776–1800 : 22 год неизвестен : 3
XIX в. : 246		1801–1825 : 29 1826–1850 : 34 1851–1875 : 55 1876–1900 : 119 год неизвестен : 9
XX в. : 560		1901–1925 : 249 1926–1950 : 150 1951–1973 : 143 год неизвестен : 18

Статистика дает наглядное представление о поступательном росте числа лингвопроектов от 25-летия к 25-летию начиная с XVIII в.

Примечание к приложению³: 1) представлены только лингвопроекты, в названиях которых (т.е. в лингвонимах) прямо отражено их функциональное предназначение; 2) в таблице в целях емкости не указываются фамилии создателей лингвопроектов; 3) сокращения типа Ulla расшифровываются как Universal lingua/langue... Mondial – как Mond-auxiliar-lingua/langue/language ..., Vuldal – как World auxiliary language, Intal – как International-auxiliar-lingua/langue/ language/langage и т.д., Unial – как Universal-auxiliar-lingua/langue/language ... и т.п.

Из четырех форм существования МИЯа самым ранним является ВИЯ: первый лингвопроект с названием "всеобщий язык" датируется 1650 г.; последующие XVI, весь XVII и XVIII, первая половина XIX вв. по существу заняты поисками только ВИЯов, выступающих в виде Lingua universalis, Langue universelle, Allgemeine Sprache, Universalis nyelvnek, Universal language, Lengua universal, Universalglot. Вторая половина XIX в. – это последний этап в популярности проектов ВИЯов; в XX в. появление их в целом характеризуется спорадичностью. К тому же следует иметь в виду, что в XX в. под лингвонимом "всеобщий язык", как и под лингвонимом "всемирный/мировой язык", зачастую скрываются не априорные, а апостериорные лингвопроекты, которые составляют базу для МИЯ/(М)ВИЯов. Категория В/МИЯов формируется в ос-

³ Ситуация с формами существования МИЯов дается нами в специальной таблице "Динамика распределения лингвопроектов по функциональному предназначению (по данным лингвонимии XVII–XX вв.)" (см. приложение).

новном во второй половине XIX в. и представлена названиями типа *Weltsprache*, *Mundolinco*. Настоящий (живой) всемирный язык, *Mundolingue*, *Svjetski jezik*, *Mondo*, *Weltpitshn* и т.д. Однако хронологическое расположение этих лингвопроектов не столь уплотнено, как это было с ВИЯми; хронологическая разреженность этих лингвопроектов – показатель наличия иных представлений о характере и функциональном предназначении искусственного языка. Действительно, с 80–90-х гг. XIX в., т.е. почти одновременно, появляются такие лингвопроекты, как МЯ: *Langue internationale étymologique* (1877), *Lingvo Internacia* = *Esperanto*, *Lingua internacional*, *Langue internationale*, *Lingua internationale*, *Interlingua*, Международно-научный язык и т.п., в XX в. – вспомогательные языки, (М)ВИЯи: *Lingua auxiliara* (1908)⁴, *Auxilia*, *Auxil*. Таблица дает возможность вскрыть знаменательную "встречу" в один и тот же год лингвопроектов "международного" и "вспомогательного" предназначения: в 1867 г. появляются *Langue internationale universelle* и *Langue auxiliaire universelle*. Несмотря на то, что над изобретателями этих проектов еще довлел груз популярного прошлого – *universelle*, – направление функционально-социальных поисков лингвопроектов верно и предвосхищает последующие эксперименты. Показательными являются и попытки авторов лингвопроектов пойти на компромисс: в синтезе элементов старого и нового заметна ностальгия по "всеобщности" и в то же время понимание иных функциональных и социолингвистических задач, ср. *Unial* (1909) = *Universal- auxiliara- lingua*; *Mondial* (1925?) = *Mond- auxiliara- lingua* и особенно *Interal* (1949) = *International- auxiliara- lingua* (аналогично *Intal*).

Таким образом, "интерлингвистические притязания" имеют свою динамику, давно пережили болезнь "всеобщности", повернувшись лицом к "международности" и "вспомогательности", что в то же время означает поворот от эпохи лингвистического априоризма к эпохе лингвистического апостериоризма, на базе которого теперь строится преимущественное большинство МИЯ/ВМИЯов. К концу XX столетия это следует считать аксиомой [ИТ 1982–1990; *Interlinguistics* 1989; Кузнецов 1987].

Сущность МИЯов, особенно произведенных в последние сто лет, их место и возможности в мировой языковой ситуации можно уяснить, обратившись к рассмотрению их генетического, структурного, функционального и динамического аспектов. Вскрывая структурные и функциональные характеристики МИЯов, мы одновременно сможем увидеть, в чем здесь точки соприкосновения лингвистики и интерлингвистики.

ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МИЯов

Генетическая модель современных МИЯов сформировалась в результате перехода от априоризма как довлеющего на протяжении XVII–XVIII и первой половины XIX вв. подхода в лингвопроектировании к апостериоризму, представления о котором утверждаются во второй половине XIX в., хотя зарождаются значительно раньше: первый апостериорный проект, а следовательно, и начало апостериорного лингвопроектирования относится к XVII в. и связан с всеславянским языком Юрия Крижанича. Со времени создания волапюка и особенно эсперанто стало ясно, что МИЯ должен иметь опору в элементах этнических языков, но эти элементы должны обладать признаком интернационального распространения. Сдвиг от умозрительного конструирования элементов для построения языковых систем к элементам, которые отталкиваются от реального языкового опыта человечества, следует квалифицировать как своеобразное "приземление" замыслов лингвоизобретателей, как переход интерлингвистического априорного конструирования в свою противоположность – к конструированию апостериорному. Материал априорных построений, как и его деление на единицы и правила их "проигрывания", полностью плод лингвоизобретателей, стремившихся наиболее общие грамматические категории этнического языка довести до предельной логичности, последовательности, системности, а в практических це-

⁴ Здесь и далее в скобках после названия лингвопроекта стоит год его создания.

лях – краткости и экономичности. Возникшие модели МИЯов, точнее ВИЯов и В/МИЯов лишь отчасти накладывались даже на наиболее общие грамматические схемы этнических языков. "Интерлингвистическое приземление" потребовало отказаться от ряда перечисленных принципов либо их ослабить в угоду отражению в лингвопроекте как можно большего числа свойств этнического языка.

На принципах лингвистического апостериоризма строятся не только МИЯи, но также и языки, которые традиционная лингвистика не отвергает, т.е. "естественные" языки. В частности, речь идет о такой социально значимой форме существования этнического языка, как литературный язык, формирующийся стараниями литературно-языковых "будителей" и общества на базе одного или нескольких диалектов конкретного языка и обогащающийся элементами нового словопроизводства и заимствованиями, в результате чего литературный язык выступает как гетерогенная система. То, что литературный язык, как правило, не накладывается полностью ни на один из живых диалектов, как раз и говорит о том, что эта форма этнического языка построена на принципах апостериоризма. Назовем это *внутриязыковой*, или *интраязыковой* апостериорностью или апостериоризмом. Специфика проектов МИЯов состоит в том, что их апостериоризм базируется не на материале разновидностей одного языка, а на материале отдельных, разных языков. Назовем это *межъязыковым* апостериоризмом или апостериорностью. Как видим, интерлингвистический апостериоризм является всего лишь смелым продолжением, второй ступенью той апостериорной работы, которая ведется во всех случаях, когда создается литературный язык. Для общелингвистической теории важно иметь в виду цельность этих принципов работы с языковым материалом, ибо ступень вторая (межъязыковой апостериоризм) может быть полезна при решении ряда вопросов ступени первой (внутриязыковой априоризм) и наоборот. Таким образом, лингвистический апостериоризм – это процедура, общая как для традиционной лингвистики, так и для интерлингвистики. Различие лишь в типе апостериоризма. Интерлингвистика расширяет привычный для традиционной лингвистики внутриязыковой апостериоризм в апостериоризм межъязыковой. Это яркий пример связи лингвистического и интерлингвистического подходов к языковому материалу [Дуличенко 1990 : 10–28].

Апостериорность МИЯов, в свою очередь, также имеет ступенчатый характер:

1) апостериорность МИЯов, представляющих собой реформу этнического языка (таковы, например, реформы немецкого, английского, французского, итальянского и др. языков), более всего близка к той, что характеризует апостериорность этнического литературного языка;

2) апостериорность МИЯов, созданных на базе языков родственной группы (например, межславянские, межроманские и др. проекты), по существу также остается близкой к апостериорности этнического литературного языка;

3) апостериорность МИЯов, созданных на материале языков разных групп одной лингвосемьи (таков эсперанто и большинство других проектов), может быть принята в качестве образца межъязыковой апостериорности; опора здесь на международно распространенные элементы позволяет ощущать в ряде категорий и их признаках связь с соответствующими этническими языками;

4) апостериорность МИЯов, созданных на материале языков разных лингвосемей, слаба, разрежена, связь с базовыми языками фрагментарна (улавливаются лишь отдельные детали либо элементы); МИЯи этой ступени стоят на пороге *априорности* (априорные решения в них нередки, поскольку лингвоизобретатель должен свести воедино разноязыковой материал) – таким был волапюк и аналогичные лингвопроекты. МИЯи этой ступени демонстрируют доходящую до абстракции апостериорность, ее верхний предел, после которого открывается прямая дорога к априорным языковым построениям.

Эта четырехступенчатая модель МИЯов охватывает по существу все направления апостериорного лингвопроектирования, причем вторая и особенно третья ступени

оказываются и в теоретическом и в практическом отношении наиболее важными для общелингвистической теории.

Пятая, априорная ступень, практикуется в настоящее время реже. В целом современные апостериорные МИЯи имеют полигенетический характер и тем самым противопоставляются априорным как моногенетичным (творение одного автора) Синтезирующий характер МИЯов четвертой ступени, располагающейся между этими полюсами, еще слабо осмыслен [Couturat, Leau 1903; Blanke 1985 : 99 и сл.; Кузнецов 1976 : 60–78; Дуличенко 1983 : 3–20].

СТРУКТУРНАЯ МОДЕЛЬ

Интерлингвистическое конструирование и МИЯи как его результат зарождалось и развивалось как реакция на несовершенство структуры этнического языка. Для философов XVII в. такое несовершенство препятствовало постижению мира, поэтому требовался более совершенный инструмент для мышления. Взгляд на возможность манипуляции языковым материалом как проявление уверенности в принципиальной возможности социальной управляемости языка можно отнести к числу ранних осмыслений сущности человеческого языка. К сожалению, теория социальной управляемости языка до сих пор не создана. Однако еще в 1908 г. в статье "Вспомогательный международный язык" И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: "Если не человек существует для языка, а язык для человека, если человек имеет не только право, но и обязанность совершенствовать все свои орудия, то очевидно, что этому совершенствованию должно подлежать и столь важное и неизбежное орудие, каким является именно язык" [Бодуэн де Куртенэ 1908]. Ему вторил Л. Пфаундлер: "... создать лошадь невозможно, но зато вполне возможно построить автомобиль, при известных условиях не только могущий заменить лошадь, но и далеко превзойти ее. Конечно, никому и в голову не приходит изъять по этой причине лошадь из употребления. Точно так же и защитники идеи искусственного языка вовсе и не думают вытеснять естественно сложившиеся национальные языки. Как в поэзии, так и в изящной литературе, где проявляется душа народа, естественные языки могут и должны преобладать" (Пфаундлер считал эстетическую функцию для МИЯ невозможной) [Пфаундлер 1910 : 6].

В свое время Х. Шухардт высказал такой афоризм: "То, что хотел язык, разрушили языки", имея в виду языковое многообразие мира, которое погубило стройность задуманного человеческого языка. Многие поколения изобретателей МИЯов пытались и пытаются восстановить язык такой структуры, а "не подражать исторической случайности того или иного языка", как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1908]. Кстати, в самих названиях лингвопроектов зачастую четко отражается структурное кредо лингвоизобретателя. Спектр таких лингвопроектов достаточно широк:

1) с XVII в. вплоть до нашего времени появляются "новые" языки как попытка противопоставления этническим языкам, имеющим "старую" структуру (т.е. несовершенную): New perfect language (1652); Ganz neue Sprache (1784); Novial (1928); Neo (1937) и т.д.;

2) аналитический язык: langue analytique (1862);

3) симметричный язык: langue symétrique (1909);

4) синтетический язык: Synthetic language (1922);

5) идеальный, или совершенный, язык: Perfektsprache (1909); Ideala lingvo (1927); Ideal (1960);

6) логический язык: Loglan (1955);

7) краткий язык ("краткоязык"), выдающимся структурным признаком которого является краткость слова и слога: Weltkurzsprache (1947);

8) простой и легкий – как противопоставление языкам с усложненной структурой: langue simplifié (1858); langue facile (1889) и др.

Структура априорного лингвопроекта устанавливается автором субъективно,

однако всегда с учетом тех или иных принципов, например, наблюдается стремление при ограниченном числе элементов выразить как можно больше смыслов и грамматических значений, при этом лингвоизобретатель, насколько это возможно, пытается воплотить в своем детище также принцип логичности и последовательности в выражении языковых значений. Так, для *Lengua universal y filosofica* (1845) допускается 15 согласных и 5 гласных, для *Spelin* (1888) – 15 согласных и 6 гласных, для *Chabé Aban* (1886) – 16 согласных и 5 гласных, а при этом *Suma* (1943) предлагает всего лишь 14 согласных и 5 гласных и т.д. (Заметим, что минимально допустимое число фонем в человеческом языке – 10.) Априорная фонетика, как правило, не допускает аффрикат, дифтонгов, пытается отразить универсальные (и неосложненные) фонетические элементы. Предельно малый фонетический состав неизбежно ведет к увеличению количества слогов в слове и, что не менее важно, к слабому различению, опознаваемости структуры слова и его состава. Логико-грамматический подход не всегда носит глобальный характер. Напротив, нередки случаи, когда в частных системах, в целях экономии выразительных средств, лингвоизобретатели прибегают к нарушению логико-грамматической последовательности, ср., например, в лингвопроекте *Spelin* синтетическое выражение сравнительной степени с помощью специального суффикса (показателя) и отдельными словами, т.е. аналитически, – превосходной степени. Синтетико-аналитический разнотип встречается также при решении вопросов обозначения глагольных времени и т.п. Здесь, как нам кажется, проглядывается моделирование соответствующих категорий этнических языков. Таким образом, априорные системы, несмотря на свою структурную оторванность (по крайней мере, декларируемую) от этнических языков, все же вынуждены следовать наиболее общим их свойствам.

Апостериорные системы в структурном отношении сложнее априорных, поскольку вынуждены следовать этническим языкам, составляющим их опору. Такое следование не должно быть слепком с этих языков. Уже в начале века это хорошо представлял себе Л. Кутюра: "МЯ должен быть автономным в своем словообразовании. Выбрав по возможности удачные свои элементы из запаса наших языков, он должен быть в состоянии свободно сочетать их согласно своим собственным правилам, заботясь строго сохранять их форму и смысл неизменными. Только при этом условии искусственный язык может стать настоящим языком (во многих отношениях даже богаче наших, так как он в состоянии образовывать все необходимые производные слова, нередко не достающие то одному, то другому из них), а не быть только подражанием, слепком с наших языков. В последнем случае он был бы также древен, как и наши..." [Кутюра 1910 : 45]. В то же время подражание наиболее существенным свойствам этнического языка необходимо для того, чтобы МИЯ считался аналогом такого языка. Л. Кутюра об этом писал так: "Международному языку приходится подражать (-этническому языку), так как он не может декретировать, чтобы все качественные изменения нарицательные были словами производными или чтобы они все были первичными; это было бы совершенно произвольно однообразным, не согласуемым ни с общим духом наших языков, ни, по всей вероятности, с нашим логическим инстинктом" [Кутюра 1910 : 47]. Изобретатель апостериорных систем, таким образом, работает с учетом двух основных требований: с одной стороны, он должен учитывать такие языковые свойства, которые отвечают "духу наших языков", нашему "логическому инстинкту", с другой стороны, структура МИЯ и правила ее движения должны иметь более или менее автономный характер, что дает возможность осуществить в той или иной мере принцип лингвистической логичности и последовательности. Последнее, однако, часто наталкивается на непреодолимые трудности: в так называемых автономных языковых системах типа эсперанто и особенно идо логические принципы грамматики и последовательность в средствах и формах выражения в известной мере достичь удается, в то время как в натуралистических проектах типа окциденталь-интерлингве, интерлингва и под. грамматическая логичность и последовательность может проявиться лишь в частных системах, да и то

далеко не всегда. Поскольку анализ особенностей грамматических структур автономных и натуралистических систем в интерлингвистической литературе уже имеется, мы ограничимся здесь лишь этой констатацией [Couturat, Leau 1903; Кузнецов 1987 : 16–17; Blanke 1985 : 99–218]. Структура апостериорной системы в целом, как мы уже заметили, характеризуется усложненностью в сравнении с априорными системами, здесь, если говорить например, о фонетическом уровне, помимо простых согласных фонем, встречаются аффрикаты, в системе гласных могут быть дифтонги и под. Причем апостериорные системы второй ступени (проекты межславянских, межроманских и др. языков) значительно "тяжелее", чем системы третьей ступени, к которым относится эсперанто. Так, в лингвопроекте *Eurocord* (1965) как попытке построения северного межгерманского языка, помимо обычных 5 гласных, в вокалическую систему включены также $y = \ddot{y}$, дифтонги ei , ai , oe . В грамматическом плане этот лингвопроект также следует особенностям северо-германских языков. Нам представляется, что натуралистические системы в грамматическом отношении сближаются с межгрупповыми проектами, хотя и носят несколько более абстрактный характер, поскольку опираются на европейские разнотрупповые языки и характерные для них интернациональные элементы. Если сопоставить фонетические системы межгрупповых и натуралистических проектов с таковыми в автономных системах, то последние оказываются несколько "облегченными" именно в силу собственных правил, а не грамматическому подражанию этническим языкам [Кузнецов 1984 : 19–69].

Структурная модель МИЯов, таким образом, носит многоступенчатый, или многовариантный, характер; при этом одни варианты приближаются, но не тождественны моделям этнических языков с их усложненной структурой – с одной стороны, другие по большей части игнорируют не только частные, но и в известной мере и общие признаки этнических языков, преследуя прежде всего воплощение в таких языках логического принципа. МИЯи, таким образом, как и этнические языки, характеризуют структурное многообразие. Структурная модель во многом зависит от того, ставит ли лингвоизобретатель цель сконструировать язык "синтетический", "аналитический", "логический", "краткий" и т.д.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МИЯов

Если структурно-генетическая сторона лингвоконструирования встает перед лингвоизобретателем с самого начала, ибо без решения вопроса, откуда брать материал (генетический аспект) и как его организовать в систему (структурный аспект), невозможен сам продукт труда – лингвопроект, то функциональный аспект МИЯов дает о себе знать позднее. Сам функциональный аспект понимается здесь как возможность МИЯа практически употребляться в среде его сторонников. Однако для того чтобы употребляться, использоваться в качестве средства общения, необходимо "заставить заговорить" МИЯ; в истории интерлингвистики из многих сотен предложенных лингвосхем "заставить заговорить" удалось немногим более десятка, хотя каждый лингвоизобретатель так или иначе мечтает и надеется на социальную перспективу своего изобретения. Последнюю мысль хорошо подкрепляют социально маркированные адъективы в лингвонимах МИЯов, ср.: всеобщий, всемирный/мировой, международный, международный вспомогательный (см. приложение "Динамика распределения лингвопроектов по функциональному предназначению").

Процесс перевода лингвистического конструкта в языковую систему с некоторыми или всеми необходимыми социолингвистическими качествами не прост. Первым и необходимейшим условием этого должна стать достаточно детальная, без "пустых клеток", без "дыр", разработанность структурно-генетической стороны лингвопроекта: первоначальная грамматика и оформляемая ею лексика должны отвечать принципам необходимости и достаточности. При этом изучение и овладение таким МИЯом не должно вызывать ощущения языковой непривычности, не должно создавать "языкового дискомфорта", напротив, в предлагаемом МИЯе все должно соответствовать

"духу наших языков". Вторым условием является обязательное наличие минимума сторонников, способных "заставить заговорить" рационально созданную языковую систему и не только "заговорить", но и создавать на ней различного рода тексты. Немаловажную роль в социализации лингвистического конструкта, или лингво-проекта, играет также общественно-политическая ситуация, внимание и интерес отдельных, видных лиц и, конечно, благоприятная ситуация в интерлингвистическом движении в целом.

Функциональные качества проекты МИЯов приобретают лишь с 70–80-х гг. XIX в. в связи с успехами волапюка и особенно эсперанто. По существу, волапюк был первым МИЯом, который смог трансформировать свой письменный вид в устный, разговорный, что предполагало уже не опосредованный, а непосредственный контакт между его адептами. Волапюк был в известной мере апробирован также в области художественной литературы, переводной и оригинальной, в периодических и вообще печатных изданиях. Функциональный спектр, которого достиг за сто лет эсперанто, превзошел, можно сказать, все ожидания. Как и любой другой МИЯ, эсперанто был задуман как язык международных отношений, т.е. как дополнительное средство, используемое в особых случаях контактов между представителями разных языков. Между прочим, такой представлялась функциональная перспектива для МИЯа уже в XIX в., такой ее видят интерлингвисты и в XX в. Ср., например, высказывание по этому поводу В. Оствальда, сделанное в начале нашего века: "[МИЯ] не должен служить всем нуждам человечества; ... этот нейтральный язык должен быть употреблен исключительно для интернациональных потребностей человечества [Оствальд 1908 : 19]. Однако конкретные пути социализации МИЯа оказались во многом сложнее, чем запроектированная перспектива. Достаточно напомнить, что создатель эсперанто (и не только он) первоначально испытал свое изобретение на литературно-художественных текстах, т.е. в сфере эстетической, которая по сути никогда открыто не декларировалась среди лингвоизобретателей. "Нелогичность" такого шага, как нам кажется, можно объяснить так: предлагаемый МИЯ должен доказать свою гибкость и способность отразить тот содержательно-информативный и стилистический уровень, который отражает языки национальных культур, т.е. литературные языки, доказать, что пропагандируемый МИЯ существенно не отличается от этнического литературного языка или, по крайней мере, близок к его выразительным возможностям. Заметим, что в дальнейшем при расширении сфер использования МИЯа становится вполне очевидным следующее: чтобы быть языком, МИЯ не должен иметь функциональных ограничений. Эсперанто своей вековой историей доказал этот тезис: помимо эстетической функции (это язык оригинальной и переводной литературы, которая давно "стучится" в дверь "большого литературоведения"), это язык личных контактов, письменных и устных, и не только между отдельными лицами, но и на встречах и форумах международного характера (ежегодные конгрессы Всеобщей ассоциации эсперанто с 1905 г. и т.д.); эсперанто факультативно преподается в школе и университете, язык радио, любительского театра и документального кино; письменное эсперантское слово представлено более чем в 130 периодических изданиях и в многочисленной книжной продукции, начиная с произведений художественной литературы и кончая научными изданиями. Научное внедрение эсперанто, кстати, имеет уже свою историю, и мы являемся свидетелями того, как ученые то и дело возвращаются к мысли о применении МИЯа. Как видим, функциональный спектр эсперанто довольно широк, в своих основных компонентах он идет за этническими языками. Предстоит, правда, еще углубленное изучение типологических особенностей функциональной специфики, нагрузки и т.д. этнических литературных языков и МИЯов [Кузнецов 1991 : 33]. Здесь обратим лишь внимание на то, что стремление культивировать МИЯ в традиционных сферах применения литературного языка не остается безразличным к самой структуре такого МИЯа. Социализованные МИЯи дают нам право говорить еще об одной модели этой категории языков – динамической, или эволюционной.

ДИНАМИЧЕСКАЯ (ЭВОЛЮЦИОННАЯ) МОДЕЛЬ МИЯов

Идеалом для лингвоизобретателей всех времен было создание такой системы, в которой царил бы логика, отсутствовало бы варьирование средств выражения и т.д. Еще в начале нашего века все были убеждены в том, что главным принципом любого МИЯа является "один знак/одно слово – одно значение". В. Оствальд сформулировал этот принцип таким образом: "Между понятиями и выражающими их морфемами существует однозначное соответствие" [Оствальд 1908 : 23]. Этот же принцип отстаивал и Л. Кутюра, считая, что он является "идеалом всякого языка, так как язык... только тогда может быть теоретически совершенным (и удобным на практике), когда он состоит исключительно из однозначных соотношений между ... знаками и понятиями, которые необходимо выразить" [Кутюра 1910 : 40–41], т.е. Кутюра в воплощении этого принципа видел не только теоретическую завершенность МИЯа, но и, как ни странно, практическую удобность. Функционирование МИЯов показало, что теоретически привлекательный принцип на практике оказывается трудно воплощаемым. Ошибка Оствальда и Кутюра состояла в том, что они не заметили фундаментального свойства языка, языковой способности и языкового поведения человека: логическое в них тесно переплетается с психологическим. Единицы этнического языка приобретают такое универсальное и обязательное свойство, как асимметрия их плана выражения и плана содержания. Поэтому четкое структурное соотношение элементов МИЯа обростает в процессе употребления в устной или письменной форме всевозможными ассоциативными и проч. связями, которые позволяют приспособить языковую систему к языковым возможностям человека, психически адаптировать языковой механизм. Эту мысль подтверждает практика эсперанто. На проективной стадии этот язык мыслился как в большей или меньшей степени логическая система, которая не должна допускать, например, многозначных и других явлений, работающих против логичности и, в частности, принципа "одно слово – одно значение". Кстати сказать, это проективное требование отдельные сторонники эсперанто отстаивали долго, хотя практика функционирования показала, что эсперанто приобретает и "нелогичные" свойства, как и любой этнический язык. Еще в 20-е гг. П.Е. Стоян, а вместе с ним и Э.К. Дрезен предвидели эволюцию грамматической системы эсперанто. Стоян, например, заметил, что в течение примерно трети века использования в эсперанто происходят различные изменения, среди которых: исчезновение первоначальных корней и появление взамен новых, меняется структура некоторых типов сложных слов, а также схемы некоторых типов словосочетаний; заметны графико-орфографические изменения, влияющие на фонологическую сторону языка. В книге "Очерки теории эсперанто" Э.К. Дрезен специально ставит вопрос об эволюции языка: "Эсперанто, – пишет он, – это живой язык, эволюция которого зависит от определенных потребностей, от определенной культуры и уровня техники... Мы наблюдаем в эсперанто непрерывную эволюцию и непрерывные изменения как в словаре (в корневом запасе), так и в употреблении аффиксов, и, в частности, грамматических окончаний" [Дрезен 1931 : 62–63]. Далее приводятся примеры, которые теперь хорошо известны. Говоря об эволюции эсперантской семантики, Дрезен отмечал: "Нашей идеальной целью является: одно слово для одного значения. Практика часто противится этому идеалу. Появляются синонимы, появляется разрыв между словоформой и смыслом, логически и словарно ему присвоенным" [Дрезен 1931 : 72–73]. И далее: "В будущем несомненно сможет существовать особая эсперантская этимология, изучающая вопросы об изменениях различных элементов в языке эсперанто, вопросы о происхождении возможных новых элементов" [Дрезен 1931 : 76–77]. Сейчас, как нам представляется, пришло время для официализации такого раздела эсперантологии. Остается актуальным убеждение Дрезена в том, что "язык эсперанто непрерывно эволюционирует путями, сходными с путями эволюции национальных языков" [там же, с. 78–79]. Существенным показателем этого является развитие в эсперанто синонимических отношений, многозначности слов вплоть до омонимии, т.е. по существу так же, как в

этнических языках [Кузнецов 1983 : 42–64]. Потому односторонними оказываются высказывания некоторых современных языковедов о МИЯх как знаковых системах без развития: О.С. Ахманова, например, ставит языки типа эсперанто и интерлингва в один ряд с математическими языками-посредниками, информационно-логическими языками, вспомогательными кодами для машинного перевода и под. [Ахманова 1980 : 24–25]. Р.А. Будагов считает, что "всевозможные искусственные языки – это чистые знаковые системы" [Будагов 1981 : 25]. В статье "Надзнаковость языка (к проблеме отношений семиотики и лингвистики)" [Ибраев 1981 : 35] Л.И. Ибраев утверждает, что "действительно искусственными языками являются жестовый язык глухонемых, эсперанто, идо и т.п.", что не оставляет сомнений в том, что здесь налицо попытка представить эсперанто, идо и другие МИЯи как нежизненные образования. Сказанное ранее о развитии социализованных МИЯов опровергает такие суждения.

Эволюционное движение МИЯов по дорогам, проторенным этническими языками, ставит ряд новых теоретических вопросов, на которые должна ответить интерлингвистика: возможен ли для практического использования язык с преобладанием логической и системно-последовательной структурой? (Абсолютно логический язык, как мы уже говорили, невозможен для этих целей.) Как быть с нарушением этих принципов? Не приведет ли такая ситуация к появлению еще одного языка, который будет отличаться от этнических лишь тем, что он генетически нейтрален или почти нейтрален? Не окажется ли, что интерлингвистическое конструирование в конечном счете приходит к тому же результату, к которому пришли этнические языки, создававшиеся в течение веков и тысячелетий стихийно-сознательным путем.

Однако какими критическими ни были бы эти вопросы, факт превращения социализованного МИЯа в динамическую языковую систему является проверкой предположения о возможности социальной управляемости языка. Лингвистика пока еще не осмыслила эту возможность. Можно надеяться, что при создании цельной теории социальной управляемости языка лингвистика обратится к результатам интерлингвистического экспериментирования в этом направлении. Социализованные МИЯи как компонент ТЭЯов, как мы убедились, способны сформировать модель со всеми необходимыми для общения качествами. В МИЯх нет ничего, что не относилось бы к лингвистике и не затрагивало бы ее интересов.

ДИНАМИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИНГВОПРОЕКТОВ ПО ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЮ
(по данным лингвонимии XVII–XX вв.)

Год создания лингво- проекта	Всеобщий universal-	Всеобщий и т.д. universal- etc.	Всемирный mond-	Всемирный и т.д. mond- etc.	Международ- ный international-	Международ- ный и т.д. international- etc.	Вспомогатель- ный auxiliar-	Вспомогательный и т.д. auxiliar- etc.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1650	Lingua universalis							
1681		Lingua ludovicea seu universalis						
1687		Langue universelle pour négociants						
1755	Lingua universalis							
1769		Universal and philosophical language						
1779		Allgemeine Rede und Schriftsprache						
1794–1795	Langue universelle							
1811	Langue universelle							
1815	Allgemeine Sprache							
1818		Lingua filosofica universale						
1820	Universalis nyelvnek							
1821	Lingua universalis							
1836	Langue universelle							
1837	Langue universelle							
1838	Langue universelle							
1842	Universal language							
1844		Langue universelle et analytique						

1845–1852		Lengua universal y filosofica						
1852	Langue universelle							
	Lengua universal							
1855	Langue universelle							
1856	Universal language							
1858	Langue universelle							
	Langue universelle							
1865	Langue universelle							
	Langue universelle							
1867		Langue auxiliaire universelle						Langue auxiliaire universelle
		Langue internationale universelle				Langue internationale universelle		
1868	Universalglot							
1869		Universal Dolmetsch Sprache						
1877						Langue internationale étymologique		
1878	Langue universelle							
	Lingwe universala							
1879			Volapuk					
1883			Weltsprache					
1886	Langue universelle							
1852–1886	Langue universelle							
1887			Weltsprache		Lingvo internacia (Esperanto)			
1888	Lengua universal Lengua universal Universal language							
1889–1890			Mundolingue					

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1890					Lengua interna- zional			
					Linguo inter nacia			
1891	Idiome universel							
1892			Svjetski jezik		Langue interna- tionale			
1893	Universala		Lingua monde		Lingua interna- zional			
1895	Veltspik				Lingua int(e)r nasionik			
1899					Langue interna tionale			
XX в (без года)			Mondo			Basic interna- tional		
1904			Mundelingva					
1905					Langue interna- tionale			
1896–1905					Lingua interna- cional			
1906	Ulla Uni(ver)sal		Mondlingvo					
1907 (?)			Mondo					
1908					Ilo Ilo		Langue auxihara	
					Langue interna- tionala			
1909	Universalo	Unial			Ilo Ilo			Unial
1910	Universal	Langue universelle semantique	Mondea			Научный международ ный язык		
			Mondlingu					

1911					Lingua internationale	Международ- но-научный язык		
1912					Interlingua			
1914					Interlingua			
1914(?)	Universal							
1918	Universalspråket							
1921						Interlingua in forma di Semi- latin		
1922 (?)			Mundolingua		Interlingua	Interlingua sys- tematic		
1923					Interlingue	Langue écrite internationale		
						Unesal Interlin- gu		
1924					Ilo			
1925	Universal							
1925(?)				Mondial				Mondial
1926	Universal							
1925–1926			Weltpitshn					
1927			Mond–lingvo					
1923–1928		Uniala						Uniala
1929			Mondik					
1930				Mundial				Mundial
1932		Natural universal lan- guage		Ablemonde				
				Almondo				Almondo
				Mondial				Mondial
				Weltkehrrs- sprache				
1935				Mundal	Internasional			Mundal

1	2	3	4	5	6	7	8	9
1937			Mondilingvo					
1938				Simplified Mondlingvo		Ialo		Ialo
1939			Mondilinguo					
1941			Monling					
1943				Mondial	Interglossa			Mondial
1945					Interlingua			
1947							Auxilia	
1948	Universel		Monda linguo	Mondal	Internacional		Auxil	Mondal
1949			Lingvo Monde			Interlal		Nove Auxilia
1950	Uni-Spik							
1950(?)								Общий вспомога- тельный язык
1951					Interlingua			
1950–1951(?)			Mundion					
1938–1955			Mondi lingua					
1956						Intal		Intal
1956 (?)					Lingua interna- cionale sis- tema P			
1958								
196... (?)			Mondo lingua		Interling			
1960			Delmondo					
1961	Unilo							
1930–1961	Lingua universale							
1964	Unilingua							
1965	Unilingua							
1972			Vuldal					Vuldal

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О С , Александрова О В.* 1980 – Некоторые теоретические проблемы советского языкознания // ВЯ. 1980. № 6.
- Бодуэн де Куртене И.А* 1908 – Международный вспомогательный язык // *Espero* (приложение к Вестнику знания"). СПб., 1908.
- Будагов Р.А.* 1981– К вопросу о месте советского языкознания в современной лингвистике // ВЯ. 1981 № 2.
- Григорьев В П* 1966 – О некоторых вопросах интерлингвистики // ВЯ. 1966. № 1
- Григорьев В П* 1976 – Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема // Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М., 1976.
- Дрезен Э К* 1931 – Очерки теории эсперанто. М., 1931.
- Дуличенко А Д.* 1983 – О некоторых направлениях лингвопроектирования в современной интерлингвистике // *Interlinguistica Tartuensis II: Теория и история международного языка* (Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 644) Тарту, 1983.
- Дуличенко А Д.* 1990 – Языкотворчество как (интер)лингвистическая проблема // *Interlinguistica Tartuensis. VII: Интерлингвистическое конструирование и языковые реформы. Сборник памяти акад. Пауля Аристэ* (Уч. зап. Тарт. ун-та. Вып. 904). Тарту, 1990.
- Дуличенко А Д* 1990а – Международные вспомогательные языки. Таллин, 1990.
- Ибраев Л И* 1981 – Наднаковость языка (К проблеме отношения семиотики и лингвистики) // ВЯ. 1981. № 1.
- Кузнецов С Н* 1976 – К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков // Проблемы интерлингвистики. М., 1976.
- Кузнецов С Н.* 1983 – Принципы теоретического описания планового языка // *IF. V. II.* 1983.
- Кузнецов С Н* 1984 – Направления современной интерлингвистики. М., 1984.
- Кузнецов С Н.* 1987 – Теоретические основы интерлингвистики. М., 1987.
- Кузнецов С Н* 1991 – Основные этапы становления интерлингвистической теории // Проблемы международного вспомогательного языка. М., 1991.
- Кутюра Л* 1910 – О применении логики к проблеме международного языка // *Международный язык и наука* Одесса, 1910.
- Оствальд В* 1908 – Международный язык М., 1908
- Пфаундлер Л* 1910 – О потребности в научном международном языке // *Международный язык и наука* Одесса, 1910
- Blanke D* 1985 – *Internationale Plansprachen. Eine Einführung.* Berlin, 1985
- Couturat L , Leau L* 1903 – *Histoire de la langue universelle.* P., 1903 (2-me éd. – 1907).
- Diezen E* 1991 – *Historio de la mondlingvo* / Red. S.N. Kuznecov Moskvo, 1991.
- IT (1982–1990)* – *Interlinguistica Tartuensis. I–VII.* Tartu, 1982–1990
- Interlinguistics* 1989 – *Interlinguistics. Aspects of the science of planned languages* / Ed. by K. Schubert. B., N.Y., 1989
- Schubert K* 1989 – *Interlinguistics – its aims, its achievements, and its place in language science* // *Interlinguistics.* B , N Y., 1989